

«Творец ленинизма» (Сталин-биограф)

Единая, по сути, художественная задача сталинского «трехкнижия» — создание образа вождя — раскрывается в трех «исторических книгах» по-разному. В биографии Ленина она реализуется на материале жизни Другого. «Жизнь и деятельность» Ленина (вынесенные в подзаголовок) здесь действительно не более, чем «материал»; они поставляют фабулу для повествования. Речь идет именно о фабуле, поскольку сюжет есть преодоление хроники. Фабула же (хроника) жизни Ленина — в той лишь, конечно, мере, в какой она представлена в биографии, — верна: даты рождения, смерти, съездов, переездов и т. п. «событий». Но не из хроники состоит, разумеется, книга, равная по объему «Краткому курсу». И не эти «события» составляют ее содержание. Она читается как художественная биография. И если это чтение не доставляет эстетического удовольствия, то в той лишь мере, в какой не доставляет такого удовольствия чтение советского историко-революционного романа.

Жанровые истоки текстов, подобных биографиям вождей и «Краткому курсу», ищут традиционно в агиографии. Однако здесь обнаруживаются только сюжетные — не стиливые — доминанты. Обратимся к одной из первых сцен в ленинской биографии. Ленину здесь 17 лет. Его арестовывают за участие в студенческих волнениях:

« — Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена, — сказал Ленину пристав, сопровождавший его в тюрьму.

— Стена, да гнилая, тхни, — и развалится, — ответил Ленин.

В тюрьме студенты, собравшись как-то вместе, стали спрашивать друг друга, что они будут делать, когда их освободят. Когда очередь дошла до Ленина и его спросили: “Ну, а ты, Ульянов, что думаешь делать потом?” — он ответил, что перед ним дорога одна — дорога революционной борьбы»⁹.

Известно, что в описании действий вождя отсутствуют психологические мотивировки. Но мотивации сюжетные необходимы. Зададимся вопросом: кто поведал миру эту историю: Ленин или безымянный пристав (ведь третьего при разговоре не было)? Или: когда студенты собрались «как-то вместе», если из текста следует, что Ленин был арестован на квартире в ночь с 4 на 5 декабря, на следующий день исключен из университета, а уже через день выслан в деревню Кокушкино? Кто рассказал биографу об этой беседе: Ленин, студенты? Показательны и сами «речи»: легко себе представить, как семнадцатилетний юноша заявляет своим товарищам о «дороге революционной борьбы».

Поставленные вопросы, кажется, возникают и перед повествователем. Поэтому тут же включается механизм их нейтрализации. Сцена завершается пассажем: «Так семнадцатилетний Ленин получил свое революционное крещение в первом столкновении с царским самодержавием. С тех пор Ленин отдал без остатка всю свою жизнь делу борьбы против самодержавия и капитализма, делу освобождения трудящихся от гнета и эксплуатации» (7—8). После «дороги революционной борьбы» столкновение с самодержавием не выглядит излишне патетично. С первых же страниц читатель приготавливается к тому, что чуть ли не с раннего детства Володя Ульянов имел дело не с людьми, но с историческими закономерностями, институциями и государством (не больше не меньше, как с самим правительством). Достаточно обратить внимание на окончания главок:

«Царское правительство решило не допускать его в университет» (13). Правительство! Представляется почему-то картина заседания правительства, решающего «не допускать». А вот Ленину 25 лет: «Царское правительство неотступно следило за революционной деятельностью Ленина. В его лице оно видело очень

опасного врага» (34). Проходит еще пять лет — Ленину 30: «Царизм чувствовал в Ленине своего опаснейшего врага» (51). Из «очень опасного» Ленин превратился в «опаснейшего» и уже не «правительство», но — «царизм» (т. е. сам государственный строй) «чувствовал» в нем главную угрозу. Нет нужды говорить, что в 1907 году «царские шпионы искали Ленина; царизм хотел расправиться с вождем революции» (105). Здесь, конечно, очевидная аберрация: «вождем» первой русской революции Ленин, конечно, никак стать не мог. Но что говорить о революции 1905—1907 годов, если еще в 1902 году, когда ему было 32 года, «имя Ленина стало знаменем борьбы за освобождение всего трудящегося человечества» (64).

В ком же видел царизм «опаснейшего врага»? В 23 года Ленин приезжает в Петербург, и тут же провинциальный юноша не просто становится «руководителем петербургских социал-демократов» (20), но осознает свою «историческую задачу» — «слияние социализма с рабочим движением»: «Немедленно по приезде в Петербург Ленин взялся за разрешение этой исторической задачи. Ему было тогда всего 23 года, но это был уже вполне сложившийся, превосходно образованный, беззаветно преданный рабочему классу революционер-марксист». Почему в 23 года он уже «вполне сложившийся» человек? Потому что это заранее освобождает от дальнейших упоминаний о каких-либо неверных шагах или заблуждениях вождя. Что сделало его «беззаветно преданным рабочему классу», которого он, живя вначале в ссылке, а затем сдавая экзамены в Петербургский университет, не знал и знать не мог? Как ему удалось в столь незрелом возрасте не только сформулировать для себя, но и «немедленно взяться за разрешение исторической задачи»?

Вопросы эти неуместны не потому, что речь идет о вожде, обладающем сверхчеловеческими возможностями, но потому, что сама их постановка к соцреалистическому тексту в принципе некорректна. Исторические повествования — биографии, автобиографии, истории — по необходимости — реалистичны, чем и отличаются от собственно литературных нарративов, в которых апелляция к реальности не столь обязательна (или необязательна вовсе). Естественно поэтому читательское стремление к сопоставлению. Между тем, такое сопоставление лежит всецело в плане хроники (фабулы повествования — совпадения дат и т. п.) и не учитывает характера нарратива.

Строго говоря, биография вождя не имеет сюжета, поскольку в ней отсутствует какое бы то ни было развитие персонажа. Даже герой проходит в советском «романе воспитания» известный путь становления, переживает какие-то сомнения, влияния и т. п. (Павел Корчагин, Мересьев или молодогвардейцы). С вождем ничего подобного не происходит. Он обречен проживать какую-то готовую жизнь. Жизнь эта как будто уже состоялась еще до того, как вождь вошел в нее. Вот почему повествование лишается всякой увлекательности. Остается (не считая фабулы) чистый стиль, оптика. Эта оптика и продуцирует жизнь, прожитую *заранее*. Что ни делает вождь, все уже — «шаги истории самой». Нет, пожалуй, ни единого упоминания ленинских работ без сопровождающих эпитетов, превращающих эти работы как бы в заранее обреченные на жизнь в Истории («Собрание приняло его *исторические* “Тезисы о войне”... Ленин дал *гениальный* ответ на все основные вопросы, поставленные эпохой... В этом *историческом* документе Ленин бросил клич...» (144—145); в 27 лет Ленин «пишет свою *историческую* брошюру “Задачи русских социал-демократов”» (42) и т. д.). Ленин не писал свои статьи и книги, а как будто выполнял то, что было ему предписано Исторической закономерностью. Это «чтение назад» порождает эффект мертвого прошлого. Можно сказать, что в этих повествованиях прошлого вообще нет — есть только история.

За что ни берется Ленин — ему не приходится ничего искать — все оказывается уже «историческим», «известным», «гениальным», «классическим». Словом, готовым. Ясно поэтому, что любые действия вождя обречены на значительность и пол-

ны символики. Вот приезжает Ленин за границу. Нам не сообщается, конечно, на что он жил, делал ли что-нибудь кроме того, что занимался партийными делами, испытывал ли какие-то трудности. Но вот цитируется его письмо матери: «Берлинские Sehenswürdigkeiten посещаю очень лениво: я вообще к ним довольно равнодушен и большей частью попадаю случайно. Да мне вообще шлянье по разным народным вечерам и увеселеньям нравится больше, чем посещение музеев, театров, пассажей и т. п.» Тут же вывод: оказывается, попав впервые после Симбирска, Казани, Самары и деревни Кокушкино в Европу и проведя по месяцу в Швейцарии, Париже и Берлине, Ленин «внимательно изучал рабочее движение, посещал рабочие собрания, знакомился с жизнью и бытом западно-европейского рабочего» (30) (так было объяснено это «шлянье» по «увеселеньям»).

Приезжает Ленин в Лондон. Здесь он, конечно, не живет, но — работает: «Ленин внимательно изучал Лондон — эту цитадель современного капитализма. Он знакомился с английским рабочим движением, изучал жизнь рабочего, его быт, психологию, посещал рабочие районы, собрания, митинги. Он целые дни проводил в Британском музее, где работал в свое время Маркс, создавая свой гениальный труд “Капитал”» (66). Как будто для того Ленин и прибыл в Лондон, чтобы проводить целые дни там же, где создавал свой «Капитал» («гениальный», разумеется) Маркс. Что же удалось Ленину за два месяца в Лондоне (март-апрель 1902 года)? «Со свойственной ему тщательностью и добросовестностью он внимательно изучил все сколько-нибудь значительное в мировой литературе по аграрному вопросу» (66). Чуть позже узнаем, что «с первых дней войны Ленин принялся за детальное, глубокое изучение мировой литературы об экономике, технике, истории, географии, политике, дипломатии, рабочем движении, колониальном вопросе и других областях общественной жизни различных стран эпохи империализма... Таких неутомимых исследователей, кристально чистых в науке людей, каким был Ленин, мир мало рождал. В результате этой огромной исследовательской работы была создана знаменитая книга Ленина “Империализм как высшая стадия капитализма”... Книга эта — величайшее произведение марксизма-ленинизма» (156).

За этой гипертрофией не следует видеть только обычное «славословие»: она выдает в повествователе человека, никогда всерьез не работавшего и ничего толком не «изучавшего», поскольку очевидно, что за два месяца невозможно «тщательно», «добросовестно» и «внимательно изучить все сколько-нибудь значительное в мировой литературе по аграрному вопросу» или «детально и глубоко изучить мировую литературу об экономике, технике, истории, географии, политике, дипломатии, рабочем движении, колониальном вопросе и других областях общественной жизни различных стран эпохи империализма». Не важно, кто был таким «повествователем» — им мог быть любой член сталинского Политбюро, — но биографически перед нами, конечно, сталинский нарратив. Он имеет и стилистическое (оптическое) измерение.

Прежде всего обратим внимание на обилие перечислительных конструкций: каждое действие, каждая характеристика мультиплицируется, как будто настольной книгой автора являлся словарь синонимов. Второй отличительный признак сталинского повествования — параноидальная правильность речи, ее риторическая нагруженность, обилие сложных, перегруженных синтаксических конструкций (своеобразная пародия на гоголевский стиль — стоит заметить, что для малоросса Гоголя русский язык также был языком обретенным).

Решив не выходить в нашем рассмотрении за пределы трех книг, утверждая их самодостаточность, мы будем обращаться только к тем сталинским цитатам, которые атрибутированы в этих книгах как аутентичные тексты вождя. Одна из них (из речи Сталина на предвыборном собрании избирателей 11 декабря 1937 года) завершает биографию Ленина. Здесь Сталин «нарисовал высокий образ деятеля ленинского типа» (297). «Нарисовал» — очень точная характеристика. Итак, народ,

говорил Сталин, должен требовать от своих депутатов, «чтобы они оставались на посту политических деятелей ленинского типа, чтобы они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин, чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин, чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинает осложняться и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность, чтобы они были так же свободны от всякого подобия паники, как был свободен Ленин, чтобы они были так же мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин, чтобы они были так же правдивы и честны, каким был Ленин, чтобы они так же любили свой народ, как любил его Ленин» (297).

Перед нами — образцовый сталинский нарратив. Обратим внимание на цифру: *семь* повторяющихся конструкций (типа «чтобы... такими, каким был»). А вот — Сталин-биограф: «Ленин не боялся рискнуть, ибо он знал, видел своим ясновидящим взором, что восстание неизбежно, что восстание победит, что восстание в России подготовит конец империалистической войны, что восстание в России всколыхнет измученные массы Запада, что восстание в России превратит войну империалистическую в войну гражданскую, что восстание даст Республику Советов, что Республика Советов послужит оплотом революционного движения во всем мире» (191). Те же *семь* повторов одинаковой конструкции. Семь — цифра не случайная, но — оптимальная: в принципе, эффект повтора достигается троекратностью. Повтор, скажем, пятикратный, уже воспринимается как сознательная риторическая фигура. Семикратный повтор — своего рода обнажение приема. После семи — начинается тавтологическая бесконечность (см. тексты Дмитрия Александровича Пригова).

Тогда, когда повествуется о перипетиях ленинской жизни в эмиграции, о невозможности общаться с массами, биографическое повествование достигает вершин эмоциональности (в рамках возможной стилиевой красоты для данного нарратива, разумеется): «Нелегко было Ленину жить в эмиграции, оторванным от непосредственного общения с рабочим классом, с народными массами» (63). Говорится об этом так, как если бы Ленину было «нелегко» жить оторванным от семьи или от жены. «Народные массы» заменяют здесь семью. В сознании читателя эта драма так — компенсаторно — и воспринималась. В этом семейном интервью Ленин предстает перед нами то как всезнающий отец («Ленин вынужден был жить в эмиграции, но никто так хорошо не знал положения в России, в рабочем классе, в партии, как он» (63)); то как заботливый хозяин большой рабочей революционной семьи («Он часто ночей не спал, получив известия об аресте того или другого работника, о провале комитета или транспорта литературы, об утере с таким трудом налаженной связи с какой-нибудь организацией» (62)); то как любимый сын («Но партия, перейдя сама в подполье, укрыла и своего вождя в глубоком подполье» (180)). Иногда, впрочем, художественная мера изменяет повествователя и драма приобретает черты фарса: «Ленин рвался в Россию, чтобы непосредственно участвовать в революционных событиях. Как лев в тесной клетке, метался Ленин» (169).

В финале биографии, там, где Ленин-политик и Ленин-человек сливаются в образе Ленина-вождя, происходит соединение «монументальности» и «теплоты». Ни одна грань «ленинского облика» не теряется в его заключительном портрете, но все они преобразуются в знакомом сталинском «реализме»: «Ленин обладал, как никто, чувством нового. Он, как опытный садовник, внимательно следил за появлением нового и любовно выращивал его» (246); «Ленин всегда был на страже, он вовремя разгадывал планы врагов, мастерски определял основное направление удара противника, быстро перестраивал силы, сплачивал народные массы в несокрушимую силу и добивался победы» (254); «Не терпя шумихи, требуя во

всем простоты и скромности, Ленин сам являлся образцом такой исключительной скромности. Рабочие так определяли простоту Ленина: «Прост, как правда» (268); «Ленина нельзя было обмануть. Во всем он требовал прямоты и правды» (269); «Ленин был лучшим другом молодежи, отцом и воспитателем молодых рабочих и крестьян, помогал советами и указаниями молодежным организациям» (245)...

В политическом портрете Ленина перед нами — несомненный автопортрет Сталина.

Две драмы разворачиваются перед читателем ленинской биографии. Первая — драма *размежевания* (борьбы с врагами). Вторая — драма *слияния* (со своим преемником — Сталиным). Можно сказать, что весь сюжет ленинской биографии развивается между этими полюсами его идентичности. Эта шизофрения преодолевается чисто художественно. Перед нами — именно художественная биография, персонаж которой (некто исторический Ульянов-Ленин) играет «готовую» жизнь («историческую роль»). Биографии задается вектор. Движение в заданном направлении приводит к снятию противоречия (имплицитного кризиса идентичности). Здесь же перед нами и жанровый парадокс, объясняющий характер преобразования персонажа: *чем более актуализируется биография Ленина (Ленин важен как предтеча Сталина, поэтому ему надлежит размежевываться с будущими противниками Сталина, уничтоженными ко времени выхода биографии Ленина как «враги народа», и, напротив, постоянно сливаться со Сталиным), тем более заданной (готовой) оказывается эта биография, превращаясь в историю, проигрываемую назад, историю без прошлого. Иными словами, чем более актуальной становится биография Ленина (история), тем более ненужной становится сама его жизнь (прошлое).* Этот оптический фокус составляет самую суть сталинского исторического видения.

В ленинской биографии (как и в других «кратких» сталинских повествованиях) нет поэтому нейтральных лиц — простых участников событий. Присутствующий здесь набор имен имеет строгую аксиологическую выстроенность. Все персонажи делятся на позитивных и негативных. При этом позитивные представлены прежде всего двумя вождями, тогда как негативные — целым сонмищем разного рода inferнальных злодеев. Вся их «раскольническая деятельность» требовала от них огромных усилий. Это можно заключить хотя бы из того, что ленинские усилия по борьбе с «раскольниками», «ликвидаторами» и просто «предателями» были поистине титаническими. Борьба эта составляет настоящий сюжет ленинской биографии, придавая повествованию иногда своеобразную «увлекательность». Так, II съезд партии описывается как захватывающий репортаж с футбольного матча. Кто-то у кого-то все время перехватывает инициативу, противники перемещаются по полю, переходя от одних ворот к другим. Ленин подобен Антону (любимое сталинское сравнение): «Оппортунисты торжествовали, им мерещилась уже полная победа на съезде. Опасность удесятерила силы Ленина» (71)... Зададимся теперь вопросом: *зачем* ведут всю эту деятельность «враги ленинизма»? Биография Ленина не только не дает сколько-нибудь внятного ответа на этот, вроде бы, совершенно естественный вопрос, но и вообще не замечает его.

Казалось бы, именно ответами на подобные вопросы и силен марксизм, подсказывающий, что кроется здесь «классовый интерес» или «классовая борьба» (вне зависимости от нашего отношения к обоснованности подобных ответов). Но — странное дело — повествователь либо намеренно уклоняется от очевидных вопросов (и, по сути, от готовых ответов), либо дает ответы заведомо упрощенные (типа: «Объективная роль махистов — прислужничество реакции и поповщине» (114)). Это заставляет усомниться в том, что перед нами «марксистское повествование» (Гловинский). Перед нами именно соцреалистический текст, знакомая магия соцреалистического письма.

Следует, впрочем, иметь в виду, что исторические события являются здесь не столько самостоятельными и самоценными элементами повествования, сколько

доказательствами, подтверждающими правоту оценок автора задним числом. По сути, перед нами тот же механизм, что действует во всей ленинской биографии: история рассказывается проспективно, тогда как читателю заранее известен ее «готовый» результат. Поэтому злодеи совершают свои злодеяния так же неотвратно, как и Ленин пишет свои «знаменитые», «классические», «известные» статьи и книги. «Известные», кажется, еще до того, как они были написаны.

Например, после подписания Брестского мира «троцкисты и бухаринцы открыто вели разнузданную кампанию против Ленина, партии, советского правительства. И в то же время в глубоком подполье они совместно с “левыми” эсэрами готовили контрреволюционный заговор против Советского правительства. Эти негодяи ставили своей целью — сорвать брестский мир, свергнуть советское правительство, арестовать и убить Ленина, Сталина и Свердлова. Только через 20 лет стали известны гнусные планы этого человеческого отребья» (209). На самом деле, «планы» этого «отребья» *наперед* известны читателю, и это знакомство читателя с «гнусными» персонажами партийной истории *предусмотрено*, поскольку приведенный текст не может читаться кем-то, кто не знает *заранее*, кто такие были «в действительности» (через 20 лет) троцкисты или бухаринцы. Это эффект соцреалистического романа, где читатель *заранее* знает, кто из персонажей — герой, а кто — негодяй.

Заметим, что характеристики такого рода распространяются на явления, а сами персонажи, от имени которых произведены названия «уклонов», совершенно лишены всякой индивидуальности. Поэтому в советской энциклопедии сталинского времени можно найти понятие «троцкизм», но нельзя найти имени самого Троцкого. И только «краткие книги» эмоционально повествуют о жутких фактах. Например: «Причиной отступления Красной Армии была предательская работа Троцкого, развалившего южный фронт» (238); или: «Подлый предатель Каменев внес предложение сжечь письма Ленина. Центральный Комитет с негодованием отверг это предложение и принял предложение товарища Сталина» (187). Стоит обратить также внимание на то, что фальсифицируются самые неправдоподобные события. Скажем, если всем известно, что именно Троцкий был главным героем гражданской войны, то именно о нем (а не о Рыкове, например), сообщается, что он был предателем. Если известно, что именно Каменев был доверенным хранителем ленинского архива, то именно ему (а не, скажем, Бухарину) приписывается попытка уничтожения этого архива. Можно, конечно, объяснить дело известным пропагандистским принципом: чтобы эффективно воздействовать на массы, ложь должна быть как можно более грубой. Но дело здесь, как представляется, в ином.

В огромном сталинском театре обвинения против соперников Сталина (высшей партноменклатуры — персонажей открытых процессов 1936—1938 годов) выдумывались не безымянными костоломами-следователями Лубянки, а, как известно, в сталинском кабинете. Никто и не мог бы придумать за Сталина все эти неправдоподобные истории о его ближайших сотрудниках. Это выдает в Сталине настоящего художника. Так что рассказанные им «истории» — не «бессовестная ложь». Или, по крайней мере, не большая ложь, чем, к примеру, полотна Лактионова, фильмы Пырьева или романы Бабаевского. С той только разницей, что персонажами сталинских повествований были реальные исторические лица.

Здесь действовал принцип «Красок не жалеть!» Сталин, человек пронизательный (как и всякая параноидально подозрительная личность) и хитрый (как и всякий политик макиавеллианского склада), хорошо разбирался в человеческих слабостях. И если на страницах своих исторических книг он выступает в роли бескомпромиссного морального судьи, то только потому, что роль эта была им сознательно избрана. Вот, например, известный «октябрьский эпизод» Зиновьева и Каменева (сюда же отнесен и Троцкий, предложивший не начинать восстания до открытия II съезда Советов). Нам сообщается: «Ленин требовал исключения из

партии этих гнусных пособников контрреволюции» (192). Почему же те не были изгнаны? Что помешало Ленину? Что заставило его не только не изгнать этих «гнусных пособников контрреволюции» из партии, но, напротив, возвести их на самую вершину партийной иерархии? Приблизительно то же, что заставило Сталина возвести на пост главного обвинителя «пламенных революционеров» Вышинского, зная такие факты его биографии, которых было вполне достаточно для того, чтобы уничтожить не только самого Вышинского, но и весь аппарат генпрокуратуры. Сталинские «истории» интересны не столько тем, что они говорят, сколько тем, о чем умалчивают. Поэтому читать их следует с превентивной осторожностью.

В биографии Ленина вождь предстает перед нами настоящим Сталиным. Он так же зорок, как Сталин («Ленин гневно бичует меньшевиков..., показывает непоследовательность, своекорыстие, трусость либеральной буржуазии, ее изменническое поведение; ни один шаг либералов не остается скрытым от его зоркого взгляда» (89)); так же последователен, как он, в отстаивании чистоты идеологии («Подло извращая и искажая марксизм, выбрасывая из марксизма его революционное содержание, оппортунисты пытались этим прикрыть свой отказ от пролетарской революции, от диктатуры пролетариата. Ленин возмущался и негодовал, видя, как бессовестно искажают марксизм оппортунисты. За чистоту революционного марксизма он всегда готов был драться до конца» (167)); так же видит опасности и справа и слева («Он громит меньшевиков... Одновременно он острый меч своей критики направляет против бойкотистов...» (104)); так же беспощаден к врагам революции («Ленину пришлось немало воевать против этих оппортунистов, путаников и интриганов, впоследствии оказавшихся гнуснейшими изменниками и бандитами. Требовались большая бдительность, большая прозорливость, чтобы не дать подобным элементам вредить делу социализма» (163)).

Борьба Ленина с «врагами» описывается буквально в тех же словах, в каких будет описываться она в биографии Сталина и в «Кратком курсе». Это — применение какого-то болевого приема, неожиданного и эффективного; костоломной грубой силы, все сметающей на своем пути. Так, в 1912 году, «ломая все препятствия, громя всех врагов, отбрасывая прочь с дороги всех сопротивляющихся, Ленин добивался созыва партийной конференции» (128); или — в 1917-ом: «Каменев, Рыков и другие вышли из ЦК и Совнаркома. Бегство из ЦК и Совнаркома жалкой кучки трусов не поколебало Ленина. Изменники и предатели были отброшены прочь» (199).

Когда все оказались «сломлены», «отброшены», «разгромлены» и «сметены», история, наконец, обезлюдела. В пустынной этой истории и начался второй акт ленинской драмы — его слияние со Сталиным. Об этом — весь сталинский рассказ под названием «Биография Ленина».

Сталин впервые появляется в биографии Ленина уже на 23 странице, где рассказывается о том, что Ленин написал книгу «Что такое друзья народа»: «Читал ее в Тифлисе и молодой Сталин, только что вступивший в революционное движение». Буквально через одну страницу в связи с другой ленинской брошюрой сообщается: «Ознакомился с этим сборником и товарищ Сталин, на которого ленинская статья за подписью К. Тулин — «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» произвела громадное впечатление» (25). Может возникнуть, конечно, вопрос: откуда стало известно о его впечатлении от этой статьи? Или: какое вообще имеет отношение к биографии Ленина впечатление двадцатилетнего никому не известного Сталина?

Подобные вопросы (возникни они у читателя) свидетельствовали бы лишь о том, что читатель этот не готов к восприятию сталинского текста. Текст этот — чему бы ни был он посвящен — вопросам языкознания или народнохозяйственным проблемам — имеет всегда один и тот же предмет: власть и ее носителя —

Сталина. Эта эгоцентрика сталинского нарратива предполагает двойное чтение. В нем говорится всегда о разном. И всегда — об одном и том же. Соответственно, на Ленина мы можем смотреть только в сталинской проекции.

Каждый факт ленинской биографии (до того, как пути двух вождей пересеклись) приобретает характер привязки и повода рассказать что-нибудь о Сталине. Ясно, что историческая встреча двух вождей сняла многие сюжетные осложнения в изложении «истории», которая потекла теперь в русле обычного фабульного повествования. Одна из основных линий которого сводится к тому, что Сталин был при жизни Ленина его заместителем: «Ленин руководил съездом из подполья через своих соратников — Сталина, Свердлова, Молотова, Орджоникидзе. Он набросал тезисы по основным вопросам съезда. Непосредственным руководителем съезда был товарищ Сталин. В своих докладах товарищ Сталин четко, по-ленински сформулировал задачи и тактику борьбы партии на новом этапе революции» (182). Поскольку же фактических указаний на подобную роль Сталина биография Ленина не дает, в ход идет знакомый читателю конца 1930-х годов, но отсутствующий в партии при жизни Ленина, столь любимый Сталиным чисто аппаратный принцип объяснения событий.

Например: «По предложению Ленина был избран Партийный центр для руководства восстанием во главе с товарищем Сталиным. Этот Партийный центр являлся руководящим ядром Военно-революционного комитета при Петроградском Совете и руководил практически всем восстанием» (191). «Центр... Комитета... при Совете», во главе которого оказался Сталин, автоматически (формально) превратил его в ключевую фигуру Октябрьского переворота: «Всем делом подготовки восстания непосредственно руководил Партийный центр, сосредоточивший все нити восстания в своих руках. Ленин в это время находился на нелегальном положении» (192). Легко заключить, что сам Ленин руководить восстанием был не в состоянии, а с чисто бюрократической точки зрения, его возглавлял Сталин.

Вообще же роль Сталина подчеркивается как бы «незаметно» — какой-нибудь придаточной синтаксической конструкцией, оборотом: «Во время болезни Ленина его часто посещал Сталин, руководивший работой партии» (279). Или: «Съезд принял за основу программы проект, разработанный Лениным, и выбрал для составления новой программы комиссию, в которую вошли Ленин, Сталин и другие» (210). Кто «другие» — конечно, не сообщается. Обезлюдившая история превращается в некую пустую раму, в которую помещаются любые персонажи. Скажем, «в апреле 1920 года партия большевиков отмечала пятидесятилетие своего вождя и основателя — Владимира Ильича Ленина. На вечере, организованном Московским комитетом 23 апреля, выступали ближайшие соратники и друзья Ленина — Сталин, Горький и другие. В конце собрания Ленин произнес небольшую речь» (249). Здесь, конечно, неважно, кто «другие». Зато в ином случае наличие «других» создает своего рода оптический обман: «Ленин принял решительные меры к укреплению штаба революции — Центрального Комитета. В ЦК были выбраны твердые и испытанные большевики: Ленин, Сталин, Молотов, Ворошилов, Калинин, Дзержинский, Орджоникидзе, Фрунзе, Киров, Куйбышев и другие» (260). Набор (точнее — отбор: ведь в ЦК входило довольно много людей) имен примечателен: перед нами как бы сталинское Политбюро, отобранное... Лениным.

Действия Ленина последовательно переписываются Сталиным под собственный поведенческий канон. Ленин не только, подобно самому Сталину, дает все время «директивы» и «указания», но и говорит буквально сталинскими цитатами («Ленин учил искровцев никогда не отказываться от малого в работе, ибо из малого строится великое» (61)). Поскольку же биография эта создана в проекции уже завершенной истории, в действиях Ленина особо выделяются важные для Сталина моменты «стратегического характера». Прежде всего, момент предвидения («С гениальной прозорливостью Ленин предвидел дальнейший ход развития револю-

ции» (91)). Сталин ведь был таким же провидцем. В контексте этой провидческой стратегии военные неудачи 1941—1942 годов объяснялись, например, «гениальным планом сталинского организованного отступления», поэтому уроки «искусства отступления» приписывались Ленину: «Ленин и Сталин, искусно маневрируя, не допустили преждевременного боя в неблагоприятных условиях, не дали буржуазии потопить в крови движение рабочих и крестьян» (180); «В 1905 году Ленин учил партию искусству революционного наступления, теперь он учит ее тому, как правильно и организованно отступать, отступать последними, чтобы, собрав силы, вновь перейти в более мощное наступление» (102); «Большевики под руководством Ленина отступали, отступали организованно, в полном порядке, громя всех, кто пытался превратить это отступление в паническое бегство» (131).

Биография Ленина завершается апофеозом сталинской «Клятвы». Речь Сталина на траурном заседании съезда Советов по случаю кончины Ленина описывается следующим образом: «Трудно передать словами, с каким напряженным вниманием слушал съезд речь Сталина... Речь товарища Сталина была исключительной по своей силе. Сталин дал от имени партии великую клятву» (291—292). Знаменитая «Клятва» состояла из шестикратного повтора: «Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам... Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы...» Текст сталинской клятвы выделен в ленинской биографии особым шрифтом, но к нему подверстан еще и ряд выделенных «положений»: «Сталин — верный ученик и боевой соратник Ленина — продолжает бессмертное дело Ленина» (292—293); «Ленин — творец ленинизма... Учение Ленина — маяк, освещающий путь победоносной борьбы трудящихся за свое освобождение... Товарищ Сталин дал классическое определение ленинизма: “Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности”» (296). Последнее «положение» может служить образцом сталинского стиля. Речь идет не только о конструкции, типа «Ленин — творец ленинизма», но и о самом построении сталинского «классического определения ленинизма» со всеми этими «поясняющими конструкциями»: «точнее... вообще... в особенности».

Биографии Ленина и Сталина замкнутся в «Кратком курсе» — истории их встречи. Пока же отметим: не пропагандистские, мифологические, идеологические и иные установки автора определяют нарративную природу сталинских текстов — эти установки были лишь побочными причинами. Главная же причина создания книги «Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни и деятельности» связана с *легитимацией сталинской власти*. В отсутствие этого текста цель из трех книг не могла бы замкнуться в стройную мифологию советской истории. Радикальное же преобразование биографии, с которым мы имеем здесь дело, могло быть результатом только огромного *художественного* усилия, что позволяет говорить о не столько об «эстетизации политики», сколько об *эстетической* природе советского политического (и в том числе — исторического) дискурса.